

Клаудия Скандура
Моя Одесса

Одной июльской ночью я приехала в Одессу. Самолет вылетел из Киева гораздо позже намеченного времени: может быть, в авиакомпании решили, что пассажиров слишком мало, и надо нас объединить со следующим рейсом. Было так жарко, будто я и не уезжала из Италии. В темноте я пыталась найти дома и улицы, которые видела мельком много лет назад.

Я уже приезжала в Одессу в 70-е годы, всего на несколько дней, тогда мы вместе с тремя друзьями – двумя англичанами и одним немцем, которые, как и я, были «стажерами из капстран» при Воронежском университете, – решили вернуться домой морем. Мы задумали своего рода литературное паломничество: на поезде из Воронежа через Кишинев, чтобы своими глазами увидеть места, знакомые нам по произведениям Пушкина, Бабеля, Олеши, и знаменитую лестницу, которая благодаря фильму Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» и сцене с коляской стала, как мы бы сказали сейчас, культовым местом.

Наше путешествие начиналось в Одессе, проходило через Стамбул и Афины и заканчивалось в Венеции, откуда каждый из нас должен был вернуться домой и зажечь взрослой жизнью, закалившись за десять месяцев на стажировке в России. Учеба подходила к концу, и мы хотели понять наконец, на что способны. Сейчас, думая об этом, я понимаю, как мы тогда выросли, прикоснувшись к другим культурам и цивилизациям.

Благодаря поэту-одесситу Борису Херсонскому, с которым я познакомилась в Риме, я примкнула к Международному литературному фестивалю журнала «Октябрь» и Одесского литературного музея, поражавшему своей насыщенной программой: на

протяжении пяти дней сплошные чтения, спектакли, концерты, фильмы, встречи с писателями и переводчиками, а кроме того экскурсии по музеям и литературным местам, и наконец, торжественное открытие памятника Бабелю.

Здесь не обойтись от отступления, потому что мое путешествие проходило под покровительством Иосифа Бродского, и тому было несколько причин.

Во-первых, Бродский был в Одессе в 1971 году, был приглашен сниматься в роли секретаря Одесского горкома компартии Украины Н.П. Гуревича. Но когда съемки уже подходили к концу, кто-то донес в Киев, что в Одессе снимают в фильме «Поезд в далекий август» Иосифа Бродского. Режиссер фильма Вадим Лысенко был вызван в Киев, где ему предложили или найти другого актера, или фильм будет закрыт. Бродский вынужден был уехать, нашли другого актера, но все же на общих планах до сих можно увидеть в фильме Иосифа Бродского.

Во-вторых, именно благодаря тому путешествию я с 2000 года сотрудничаю с нью-йоркским Фондом Бродского («Joseph Brodsky Memorial Fellowship Fund») и постоянно встречаюсь в Риме с выдающимися современными русскими поэтами, куда те приезжают на три месяца, получив стипендию фонда. Я не стану здесь пересказывать историю возникновения и деятельности фонда Бродского: недавно я уже довольно подробно рассказала об этом на страницах вышедшей в Москве книги («Рим совпал с представлением о Риме...» Италия в зеркале стипендиатов Фонда...»).

Напомню только, что 17 и 18 марта 2011 года Американская академия в Риме устроила два вечера, посвященных Иосифу Бродскому, в которых приняли участие близкие друзья, поэты и писатели: Роберто Калассо, Мэри Джо Солтер, Марк Стрэнд, Дерек Уолкотт, Адам Загаевский и Борис Херсонский, один из последних стипендиатов фонда. По этому случаю в университетах Одессы и Рима выпустили небольшую русско-итальянскую книжку Бориса Херсонского «Мраморный лист», иллюстрированную прекрасными фотографиями Людмилы Херсонской. В книге собраны итальянские стихи в моем переводе и стихи из сборника «Семейный архив» в переводе Алессандро Ньеро, Екатерины Марголис и Марко Саббатини.

Особый подход и железная самодисциплина (наблюдать, вспоминать, писать каждый день) сближают Херсонского, как мне кажется, с Юрием Олешей, кстати, тоже одесситом, который пишет: «Итак, я совершенно утратил способность писать... Я сочиняю отдельные строчки. Это возможно, когда человек пишет стихи: проза, статья, драма так не могут быть создаваемы. Я не сочиняю, размахиваясь вперед, а пишу, как бы оглядываясь назад, – не сочиняю, штрихую, строя, соображая, а вспоминаю: как будто то, что я только собираюсь написать, уже было написано. Было написано, потом как бы рассыпалось, и я хочу это собрать – осколки опять в целое».

Понятно, что Юрий Олеша пишет «Ни дня без строчки» – нечто среднее между дневником и стихами в прозе, – начиная со второй половины 30-х годов прошлого века из-за невозможности писать что-то другое, из-за безвыходности своего положения во времена, уже не позволяющие экспериментов в литературе. Писатель искал новый «способ», новую форму, и вышли строчки, отрывки, которые дали ему чувство полной свободы.

К тому же результату приходит Борис Херсонский, но двигается он от другой, противоположной отправной точки: он предпочел молчать в молодые годы и только после распада Советского Союза стал печататься. Он не пишет прозу, как его предшественник из Одессы, но стихи, в которых постепенно растягивает строчки, чтобы описать ежедневную жизнь со всеми ее обстоятельствами, своего рода стихотворения в прозе.

Все образы в его стихах появляются из прошлого, из воспоминаний, из книг, из встреч, которые происходили в Италии, в Одессе или Тернополе.

Камни, лишённые цвета,
среди плотной зелени
всех оттенков с намечающейся желтизной,
все же осень, а есть деревья
с розовой листвой или темно-красный
дикий виноград на оградах,
совсем как у нас, в Одессе.

Одной из причин моей поездки в Одессу было желание представить там эту книгу, к тому же мне очень хотелось принять участие в литературном фестивале наравне с известными российскими авторами.

Многих участников фестиваля я знала только по их книгам, поэтому появление знакомого лица меня очень обрадовало: пришел Асар Эппель, с которым я много лет назад познакомилась дома у Евгения Солоновича. Мы часто встречались в Москве, и я знала его как ироничного и умного прозаика, как переводчика. Но одним незабываемым вечером в 2000 году у меня дома в Риме мы с моим мужем Клаусом и поэтом Тимуром Кибировым были сражены его невероятным талантом сказочника, рассказчика, который фотографирует парадоксальную, гротескную реальность и воспроизводит в ослепительных вспышках фейерверков.

Когда я узнала, что он автор сценария и стихов к мюзиклу по Бабелю «Биндюжник и Король», то ничуть не удивилась, этот мюзикл чем-то похож на работу режиссера и актера Мони Овадии, чей взгляд на творчество Бабеля, по-моему, очень близок Асару Эппелю.

Музыка – главное действующее лицо спектакля «Конармия – L'armata a cavallo» Мони Овадии, которым Городской театр Болоньи открыл сезон 2003-2004 годов, и этот спектакль потом побывал и в Москве.

Некоторые музыкальные части, особенно из той эпохи, были переписаны, чтобы подчеркнуть эпический ритм, риторику военных маршей. Если же говорить о стилистике, в спектакле доминирует новый для Овадии язык – язык эпоса, находящий выражение в поэзии образов и короткометражных фильмов, созданных на компьютере и преобразованных в рисунки, «картины в движении».

Спектакль играется на русском, идише и итальянском. Как объясняет Мони Овадия: «Первые два языка соответствуют музыкальному духу спектакля, его внутреннему миру, потому что язык, в первую очередь, – это звуковая система». Отрывки играют и на итальянском – «языке понимания и смысла». «Конармия» разворачивается как партитура из образов, звуков, музыки, пения и слов, как борьба хора большевиков с хором монархистов.

Между двумя «армиями» – небольшой красный отряд музыкантов на лошадях, под их революционную музыку актеры рассказывают и кричат о смятии побежденных маленьких людей.

Язык живо обсуждался и на круглом столе, посвященном переводу, который вел Асар Эппель, и в котором мне довелось принять участие. Слушатели забросали переводчика А. Глушака вопросами о переводе с русского на украинский, о его необходимости и пользе.

«Будущее без литературы, литература без будущего» – так называлась дискуссия на тему: обретет ли снова литература то же значение для русского общества, что и в прошлом? Вдохновенная речь Ю. Кублановского, с которым я позволила себе поспорить, подняла все еще острый для России вопрос: является ли она частью Европы, или находится за ее пределами? Или, может, она ближе к Америке? Елена Якович попыталась ответить на эти вопросы как во время обсуждения, так и в своих интереснейших фильмах о Викторе Некрасове и Сергее Довлатове.

Пять дней встреч и разнообразных событий, закончившихся не-открытием памятника Бабелю (открытие перенесли на сентябрь), в прекрасном солнечном городе, похожем скорее на Вену с ее австро-венгерским духом.

В Рим я улетела через Киев (на этот раз по расписанию) вместе с Давидом Маркишем. По прибытии я сменила его на его брата Симона, автора исследований о Гроссмане и Домбровском, которого читают все мои студенты в университете. Я приехала в Рим с уверенностью, что не стану ждать еще тридцать лет, чтобы вернуться в Одессу!

